

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Институт истории им. А.Дониша

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор —
академик АН Таджикской ССР
Б.А. Литвинский

Издательство "Дониш"
Душанбе — 1985

3. ЮСУФ БЕКОВА.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ БОЛЬШОЙ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ СЕМЬИ В ШУТНАНЕ (конец XIX – начало XX вв.)

Относительно бытования в недалеком прошлом у припамирских народностей больших неразделенных¹ семей имеются сведения в трудах многих исследователей этого горного края². Детальное описание большой семьи припамирских народов есть у М.С.Андреева и А.А.Половцева и у Л.Ф.Моногаровой³. Что же касается собственно Шугнана, то район этот до сих пор не подвергался в этом отношении более пристальному изучению.

Еще в конце XIX и начале XX в. большая семья здесь являлась основной преобладающей формой семьи. Семья обозначалась терминами "буна"⁴, независимо от количества ее членов. В среднем семья насчитывала до 30-40, а в отдельных случаях и до 60-ти человек, живущих в одном доме. Такой дом назывался "чид". В состав каждой семьи, помимо главы семьи и его жены, входили их потомки до трех и более поколений, а также, по нашим данным (расходящимся со сведениями Л.Ф.Моногаровой⁵), нередко и другие родственники главы семьи по боковой линии – престарелые сестры, братья и племянники. Известно, что "число членов семьи далеко не всегда определяет ее форму. Определяющими факторами при отнесении семьи к той или иной форме является... не численный ее состав, и даже не число поколений, живущих вместе, а форма семейной собственности на землю и имущество и число брачных пар... Неразделенная семья..., наряду с коллективной собственностью на землю и имущество, имеет и зачатки частной собственности на имущество у брачных пар, формирующихся в недрах этой семьи в малые индивидуальные семьи"⁶.

Само население причиной долгого сохранения больших семей считает бедность ("бенисти"). Нами выявлены следующие основные причины обуславливавшие сохранение больших семей:

1. Каждое хозяйство во времена бухарского владычества (в конце XIX в.), независимо от числа членов семьи, было обязано ежегодно вносить определенный налог в натуральной форме ("гудум")⁷ и выполнять ряд разнообразных постоянных повинностей ("бегори")⁸. Нужно отметить, что в условиях безземелья горного края и господства натурального хозяйства малым семьям было нелегко справиться с этим. Именно это нередко приводило к вынужденному совместному проживанию двух или нескольких братьев, если даже они жили недружно. Случай, записанный нами в Дармарахте, еще раз подтверждает это положение. Два единокровных брата до такой степени не ладили друг с другом, что даже никогда не ели вместе. И когда у одного случайно сломалось шило, он обратился за помощью к соседям, а не к родному брату. Тем не менее в течение многих лет они жили объединенным хозяйством, в одном большом доме. Совместное проживание такого рода долго продолжаться не могло, и в конце концов братья разделились. Для того, чтобы каждому отдельно не платить налог с двух домов, разделение хозяйства от администрации скрывалось. Поэтому один из братьев добровольно отказывался от получения своей доли земли и скота. В таких случаях он обычно поселялся в отдельной комнате ("вужра") и зарабатывал на жизнь путем отходничества. Подобные семьи назывались "вужрадор" (букв. – "владелец отдельной комнаты").

2. Нередко одна большая семья обладала всего лишь одним чугунным котлом ("дек") и одним паласом, разделить которые было невозможно. Кроме того, было нежелательно в условиях безземелья выделять определенную площадь пахотной земли для постройки нового помещения. Не так просто было добыть необходимые строительные материалы, особенно лес. Помимо всего этого, как известно, строительство требовало достаточно много времени, труда и значительную

рабочую силу, которая была необходима в хозяйстве семьи. Но в связи с переходом Придамурья под владычество России, отменой в первые годы налогов, а в дальнейшем с изменением налоговой системы и развитием товарно-денежных отношений⁹, скоплением в руках отдельных брачных пар частной собственности (в виде доли мужа при выделении из большой семьи и второго приданого¹⁰ жены), большие семьи стали быстро распадаться. Интересно отметить, что обычно причиной тому называют: а) возрастание численности семьи, когда уже не хватает места в большом доме и становится невозможно прокормить за один раз всю семью; б) раздоры, особенно после смерти старика-отца, между женами братьев.

Обыкновенно раздел проходил спокойно по обычному праву. При разделе первым выделялся старший брат. Вся семья совместными усилиями строила для него дом (в дальнейшем отдельные дома строили и другим братьям, причем ранее выделившиеся тоже помогали). Все имущество, как движимое, так и недвижимое, включая и первое приданое женщин,¹¹ разделялось между братьями ("виробах"). Старшему брату, по обычаю, доставался самый большой участок земли ("хидар зими"), а родительский дом с усадьбой переходил к младшему брату¹², с которым, как правило, оставались жить родители. Родители, как нам рассказывали в Дармаракте и Шахдаре (селение Сежд), при разделе имущества имели свою долю скота: вола, корову или же баранов, что также входило в имущество того сына, с которым они оставались жить. Следует сказать, что нередко родители поселялись вместе со старшим сыном в только что построенном доме. Это часто объясняют покладистым характером старшей невестки. Дочь, за исключением "духтари сулб"¹³ (дочь-наследница), не имела своей доли от земли, но получала скот.

В день новоселья ("чидеи") из общего фонда семьи устраивалось небольшое угощение ("пукта") для соседей и односельчан, которые непременно заканчивалось прочтением халифой молитвы, содержащей благопожелание новому дому.

Как отмечалось выше, большая семья состояла из нескольких брачных пар. Внутри дома каждая из них имела определенное место. Самое почетное место в доме — "барнех" (часть нары напротив очага) — принадлежала главе семьи. Ближе к нему выделялось место для семьи старшего сына и так далее. Около каждой брачной пары, имеющей грудных детей, ставилась колыбель ("ф у к"). Дети постарше спали отдельно: девочки с девочками, мальчики с мальчиками. Члены семьи занимали свои места обычно ночью, днем же, во время приема пищи, мужчины сидели на нарах против очага, женщины на нарах вокруг очага, дети на небольшом глинобитном выступе ("чахлак") — перед очагом¹⁴. Еда подавалась в больших деревянных блюдах ("тодч"), отдельно мужчинам, женщинам и детям. В том случае, когда в доме бывали гости, гостей-мужчин сажали вместе с мужчинами, женщин — вместе с женщинами. На ночь мужчин-гостей, а также гостя, приехавшего с женой, укладывали спать на нарах ("кидор") — вокруг очага, так как там было теплее и дальше от места расположения брачных пар. Женщин приходивших в гости без мужа, укладывали спать рядом со взрослыми членами семьи женского пола, чтобы в случае необходимости выйти, было кому проводить гостью. Гостей принимали как можно лучше. Считалось, что с особенным вниманием следовало относиться к незнакомым¹⁵ ("рахгузар", букв. — "путник"), которым приходилось ночевать в селении, потому что в Шугнани не было ни мечети, ни "алоухона"¹⁶, в которых в других горных частях Таджикистана обычно находили приют странники.

Главами дома считались старшие члены семьи, часто отец и мать. Назывались они "катанаки хона" (букв. — "большаки дома"). Главенство передавалось по наследству. Согласно обычаю, после смерти отца его место должен был занимать старший сын. Очень часто состарившийся отец объявлял старшего сына своим заместителем, передавая в его руки управление всем хозяйством и поручая

ему заботы об остальных членах семьи, о сохранении в семье мира и спокойствия. Остальные члены семьи должны были ему как старшему подчиняться. Но иногда главенство в доме переходило к наиболее способному и энергичному, невзирая на старшинство по годам. Глава семьи пользовался большим авторитетом и имел большие права:

1. Все имущество семьи было в его руках. Он мог распоряжаться рабочим скотом, орудиями труда, землей, запасами, продуктами труда и всеми доходами семьи. Только он имел право дарить, продавать, покупать и одалживать что-нибудь из общего фонда (имущества) семьи. При решении каких-нибудь важных вопросов глава семьи, если находил нужным, советовался со старшими членами, но мог этого и не делать, поступки его не подлежали обсуждению.

2. Он руководил распределением работ между членами семьи — мужчинами (фактически принимал активное участие и в распределении женских работ). При этом он непосредственно принимал участие в выполнении наиболее важных работ. Это, с одной стороны, поддерживало его авторитет, с другой стороны, давало возможность контролировать работу остальных членов семьи.

3. С ним считались не только в кругу семьи, в родном селении, но и далеко за его пределами. Обычно никто другой, как глава семьи, не представлял семью перед властями. Он нес ответственность за выполнение всех податей и повинностей, ходил на поклон ("салом"), особенно в дни религиозных праздников, обязательно с подарками, к "пиру" и "ишанам", представлял семью на общественных сборищах и семейных торжествах. По этой же причине семья его одевала лучше всех, объясняя это тем, что "он вращался среди друзей и недругов"¹⁷ ("байни дустат духман ногд").

4. Глава семьи имел право иметь одновременно двух и больше жен, но только если он отец семьи. В тех случаях, когда в семье главенствовал один из братьев, он этого позволить себе не мог. фактически же многоженство в Шугнани практиковалось чрезвычайно редко¹⁸ и имело место только среди родовитых семей. Обыкновенно жены имели свои отдельные дома, где жили со своими детьми, а муж проживал у них по очереди. Но бывало, что обе жены жили в одном доме, имея в своем распоряжении отдельные нары в главном помещении ("чид").

Старшей среди женщин ("катанаки хона") считалась жена главы семьи. Обыкновенно сам глава семьи в решении почти всех хозяйственных дел обязательно прибегал к ее советам. Ее уважали так же, как и его. Символом ее власти являлись ключи от кладовой и сундуков, которые она привязывала к волосам, к концам кос или на макушке головы.¹⁹ Старшая руководила приготовлением пищи для всей семьи, распределением домашних работ: уборкой, стиркой, шитьем одежды, прядением шерстяных ниток на прялке, вязаньем и вышиванием. Она же каждый раз решала, кому из женщин следовало пойти на какое-нибудь семейное торжество в селение. Бывали случаи, когда после смерти главы семьи и при отсутствии в семье мужчин старшего возраста, главенство переходило к его жене, и она пользовалась всеми теми правами, которыми пользовался глава семьи — мужчина.

Положение шугнанских женщин, как и женщин других припамирских народностей, намного было легче, чем положение таджиков других горных районов²⁰, но не говоря уже о женщинах равнинных таджиков. Это несомненно являлось следствием большой значимости женского труда в общем хозяйстве семьи. Женщина-шугнанка никогда не знала затворничества²¹, свободно общалась с мужчинами, принимала активное участие в семейных торжествах по случаю приема "пиров" или "сайидов". Она наравне с мужчинами принимала активное участие в решении всех семейных и хозяйственных вопросов: начиная с обмена продуктов, купли-продажи и кончая заключением брака младших членов семьи (особенно собственных детей). В Шахдаре широко была распространена поговорка: "Чорикард ви ворчат ви гин тукинаълат" ("О достоинствах мужчины судят по тому, как выглядят его жена и конь").

Но в то же время следует сказать, что вплоть до Великой Октябрьской революции шугнанская женщина все же не пользовалась равными с мужчиной правами, как в семье, так и в обществе, что выражалось в следующем:

1. В Паршиневе, который являлся основным местом жительства привилегированной части населения ("сейидов"), практиковался обычай посвящения маленьких девочек этим семьям. Такие девочки в течение ряда лет жили в семье "сейида" в качестве бесплатных служанок. По достижении брачного возраста их выдавали замуж за слуг, и как муж, так и жена на всю жизнь оставались в услужении в семье сейидов. В том случае, если родители девочки хотели вернуть ее обратно домой, они должны были отдать за нее "сейиду" вола или корову. Бывали случаи посвящения мальчиков, которые выполняли разные поручения "сейида" и членов его семьи. Однако они не числились как слуги и пользовались всеми правами свободного человека.

2. При заключении брака никогда не спрашивали согласия девушек, тогда как юноша при этом очень часто имел право выразить свое мнение.

3. Дочь в семье была лишена наследственных прав. Как говорилось выше, она не имела своей доли земли и первое ее приданое, состоявшее из скота, полученное ею от своих родителей при замужестве, фактически не принадлежало ей, а включалось в общий фонд семьи мужа.

4. При встрече с мужчинами женщина должна была поздороваться первой, наклонив при этом голову и приложив правую руку ко лбу.

5. В семье женщина была подчинена не только мужу, но и остальным мужчинам семьи. Как нам рассказывали, женщина не могла вступить с ними в спор и ослушаться их.

6. Права женщин также ограничивались при разводе. В любом случае, была ли она инициатором развода или муж, дети оставались при муже. Только в том случае, если у женщины в момент развода имелся грудной ребенок, она могла взять его себе, но по достижении им 7-летнего возраста была вынуждена вернуть его в дом мужа. Таким образом, она при разводе лишалась права материнства. Детей к ней не пускали, не спрашивали также ее согласия при решении их судьбы, то есть при заключении брака. Ей оставалось довольствоваться мимолетными встречами с ними.

7. Женщина, имевшая соперницу и проживавшая с нею в одном доме, была вынуждена терпеть все и сохранять внешнее спокойствие и мир, в противном случае — подвергалась наказанию со стороны мужа.

Распределение труда. Распределением работ между мужчинами, членами семьи, которое производилось обычно ранней весной, руководил глава семьи. В решении этого вопроса активное участие принимали все мужчины семьи. Как правило, за каждым членом семьи, в зависимости от его сил и способностей, и часто по его собственному желанию, закреплялся отдельный участок работы. Если он хорошо справлялся со своей работой, то он мог продолжать заниматься ею в течение нескольких лет подряд. Наиболее важные сельскохозяйственные работы, такие как пахота, посев и полив, поручались обыкновенно трем-четырем мужчинам — молодым, сильным, здоровым, умелым. В летнее время, когда работа в поле требовала много рабочих рук, а особенно во время жатвы, перевозки и молотбы зерновых, к ним присоединялись и остальные члены семьи, включая женщин и мальчиков — подростков. В некоторых местах по р. Гунту (напр., в селении Вир) работа распределялась так, что через каждые 10-12 дней происходила смена работников. Те, которые занимались полевыми работами, переходили на работу по уходу за скотом и наоборот. Каждая выполненная работа подвергалась проверке главой семьи. Если качество работы не удовлетворяло его, он мог заставить переделать ее. Летом мужчины занимались также строительством, заготовкой сена для скота на зиму.

Осенью один из мужчин, членов семьи, занимался обменом и продажей женских рукоделий. Жители верховьев Гунта и Шахдары сбывали продукцию своих хозяйств киргизам или торговцам из Кашгара²². При этом ездили в Мургаб и Джаушангоз, где соприкасалось таджикское и киргизское население, или же киргизы и кашгарцы приезжали сами со своими товарами в верхние селения этих долин. В нижней части Шугнана, в Хороге, имелся базар, где продавались товары индийских, китайских, афганских, ферганских и ташкентских торговцев. Кроме того, шугнанцы переправлялись через Пяндж и пользовались базарами афганских городов.

На продажу шли изделия из шерсти, куски шерстяной материи, определенной длины, шедшей на шитье халатов ("гилимворй"), шитые женщинами мужские шерстяные халаты ("гилим"), вязаные чулки ("чириб") с ярким орнаментом, вязаные перчатки ("бела"). В обмен на продукцию своего хозяйства или на деньги, вырученные от их продажи, получали отрезы хлопчатобумажных и шелковых материй, а также хлопок, деревянную обувь ("кафш") и белые кисейные платки ("тит"). Из продуктов питания — рис и соль. Только очень богатые люди позволяли себе покупать еще чай и сахар, и то в очень небольших количествах. Все покупки делались строго по заказу главы семьи и его жены. Человек не имел права покупать от себя лично что-нибудь в подарок своей жене или детям. Все, привезенное, передавалось в руки старших, и они распределяли предметы одежды среди членов семьи по своему усмотрению.

В свободное от полевых работ время, особенно зимою, мужчины были заняты взбиванием и прядением шерсти яков и коз (в то время как обработкой — взбиванием, прядением и крашением — верблюжьей и овечьей шерсти занимались исключительно женщины), для безворсовых ковров ("палас"), тканьем паласов на ручном вертикальном станке ("корга") и материи из верблюжьей и овечьей шерсти для одежды, которую шили женщины. Зимою мужчины занимались также очисткой крыш домов от снега и, кроме того, прокладывали проходы к хлевам.

Мужчинам в их работе очень помогали подростки. Они выполняли разные поручения взрослых и уже могли справляться с несложными сельскохозяйственными работами, к которым их приучали с ранних лет.

Женские работы распределялись старшей женщиной семьи²³. Каждой женщине поручали выполнять ту работу, с которой она лучше справлялась. В обязанности женщин входило приготовление всех молочных продуктов и пищи для всех членов семьи, печенье хлеба, уборка и мелкий ремонт помещений, стирка, шитье и т.д. Важное место в женском труде занимало приготовление пищи. Старшая в доме сама выносила все необходимые продукты для приготовления пищи и передавала их хорошо умеющим готовить женщинам. Когда еда уже была готова, старшая раскладывала ее²⁴ по большим неглубоким деревянным чашам ("тодч"), а другие разносили.

Женщины, кроме работ по дому, принимали участие в сельскохозяйственных работах. Их обязанностью были: прополка посевов²⁵ ("хўч"), сбор колосьев, упавших во время жатвы ("роғадивд"), очистка зерна от мелких камней путем просеивания через решето ("кахт-покчид"), мытье и просушка его на крышах перед помолом, сбор хвороста, приносимого рекой во время половодья. Летом женщины были заняты сбором абрикосов и ягод шелковицы, сушкой их на крыше, заготовкой тутового толокна ("пикт"; тадж. — "тутпуст") и очисткой абрикосовых косточек. Кроме того, в теплое время года женщины занимались приготовлением кизяка ("хихўб"), служившего топливом зимой.

В Шахдаре каждая женщина обычно получала работу возле своего мужа. Если по распределению мужу доставался выпас стада, то жена и дети-подростки тоже занимались уходом за скотом, зимой кормили и поили его, очищали хлев от навоза, а весной отправлялись с ним на летовье, высокогорные пастбища, где женщина занималась доением коров, овец, коз и приготовлением молочных продуктов: сбиванием масла и приготовлением сыра из пахтанья.

Помимо того, женщины занимались различным рукоделием, обработкой шерсти и окраской ее, прядением шерсти на ручном веретене и на прялке для изготовления материи, шедшей на одежду (тканьем ее занимались мужчины), шитьем и вышиванием верхних рубах, халатов ("гилим"), вязанием шерстяных чулок, валянием войлоков ("намад"), изготовлением сосудов из глины и обжигом их.

Женщинам помогали девочки-подростки, которых тоже приучали к труду с малых лет: они подметали помещения, мыли посуду, держали агнят и телят во время дойки овец и коз, собирали ягоды и приносили воду. Таким образом, в производстве средств существования принимали участие все трудоспособные члены семьи.

Анализ собранного материала позволяет прийти к выводу, что к концу XIX и началу XX в. преобладающей формой семьи в Шугнана являлась большая неразделенная семья, которая обладала всеми теми характерными чертами, часть из которых выявлена Ф.Энгельсом в семейной общине²⁶. Для большой семьи Шугнана было характерно:

1. В состав семьи входили представители нескольких (до трех-четырех) поколений кровных родственников.

2. Средства производства и имущество, как движимое, так и недвижимое, были исключительно собственностью всей семьи.

3. Вся власть в семье принадлежала главе семьи и его жене ("катанаки хона" - "большаки дома"), причем если это отец семьи, то власть абсолютная. В случае, если право главенства переходило к одному из братьев, власть эта заметно ослабевала и чувствовалось в определенной мере равноправие всех взрослых членов семьи. Труд был основан на общей собственности семьи и имел коллективную форму.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1: О понятии неразделенной семьи см.: Сухарева О.А., Бикжанова М.А. Прошлое и настоящее Айкыран. Ташкент, 1955, с.173; Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. - КСИЭ, 1957, вып.28, с.29; Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972, с.103.

2. Иванов Д.Л. Шугнан. - Вестник Европы, 1885, №№ 6-7, с.650-651; Минаев И.П. Сведения о странах по Верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, с.191-193; Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, с.78-80; Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (Ишкашим и Вахан). - В сб.: МАЭ, 1911, т.1, вып.1X, с.20-21; Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вакио-Боло. - Тр. Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР, М.; Л., 1936, т.X; Его же. Большая патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. - В кн.: Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936; Его же. Яэгулемцы. - ИВГО, 1940, т.80, с.371; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953, вып.1, с.179; Писарчик А.К. Припамирские таджики. - В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962, с.676-679; Моногарова Л.Ф. Яэгулемцы Западного Памира. - СЭ, 1949, №3, с.105-106; Она же. Материалы по этнографии яэгулемцев. - В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II, М., 1959, с.3-94; Она же. Преобразования в быту..., с.103-126.

3. Андреев М.С., Половцев А.А., Материалы по этнографии..., с.20-21; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии, с. 58-69; Она же. Преобразования в быту..., с.103-126.

4. Следует отметить, что в настоящее время наряду с термином "буна" широко употребляется "хочаги" ("хозяйство"), происхождение которого население относит к более позднему периоду, к организации колхозов. Об этом см.

также: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976, т.3, с. 13-14.

5. "По обычному праву с главой семьи не могли жить дети его сестер и дочери (вдовы или разведенные) его, так как они должны были жить в семье своего отца. Не могла проживать и сестра матери главы семьи. Моногарова Л.ф. Преобразования в быту..., с.108-109; Однако относительно ванджиев Н.А.Кисляков отмечает, что "...в доме живет Шарифме, 40 лет, троюродная сестра Мирзо Шера, ... со своим сыном". См.: Кисляков Н. А. Большая патриархальная семья..., с. 767; О существовании аналогичного обычая у ногайцев С. Ш. Гаджиева сообщает следующее: "Одной из особенностей ногайской большой семьи, особенно последнего периода ее бытования, является то, что в ее составе очень часты... первичные неполные семейные ячейки, представленные вдовами или вдовцами с их потомством, проживающими в семье родственника." Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX в. - М., 1979, с. 19.

6. Моногарова Л.ф. Преобразования в быту..., с.105-106.

7. Согласно нашим полевым материалам, в Дармарахте и Паршиневе налог обозначался терминами "гудум" и "бор". По Гундской долине наряду с "гудум" также употреблялся термин "ушр" (арабская "десятина"), по Шахдаринской долине - только "гудум". Налог ежегодно взимался в определенном размере, который зависел от хозяйственных условий различных районов Шугнана. В Дармарахте, Сучае и Паршиневе в среднем он состоял из крупного рогатого скота (1-го вола, быка или коровы), 3-х баранов, 3-х тафсинов (1 тафсин равен 2 кг) и 1-го амбуна (1 амбун - около 96 кг) зерна, 1-го шерстяного отреза на халат или готового халата ("гилим"), пары шерстяных длинных чулок ("чириб"), 3-х сарчин (русская сажень; 1 сажень равна 1 кубометру) дров и 1-2-х пудов сена. По Шахдаринской долине - из 1-го вола (не моложе 4-х лет), 2-х баранов ("чори"), 2-3-х амбунов зерна, 1-го отреза шерстяной материи, пары чулок. По Гундской долине - из 1-го даъяка ("десятина") зерновых, 1-го вола и 1-го барана. В местах, расположенных поблизости от административных центров (селений Хорог и Ишкашим), "гудум" собирался частями 2-3 раза в год. В более отдаленных местах - один раз, осенью, после сбора урожая. Собирали "гудум" местные администраторы - "арбоб" и "аксакол", которые за службу властями были освобождены от налогов и выполнений других повинностей. О системе налогов и повинностей в Припамирье также см.: Иванов Д.Л. Путешествие на Памир. - ИРГО 1884, т.XX, вып.3, с.241-242; Серебренников А. Очерк Шугнана. - Военный сборник 1895, в.12, с.433-434; Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Катаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, с.169; Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века. Душанбе, 1962, ч.1, с.248-250, 303, 348. Следует отметить, что при переходе Припамирья, в том числе Шугнана, под владычество России, налоги в первые годы были отменены, а впоследствии изменена налоговая система, что намного облегчило жизнь населения.

8. "Бегори" (повинность) выражалась в самых разнообразных формах: работы по постройке и ремонту дороги, перевозки собранного налога, выпас стад, принадлежавших властям и т.д. Для выполнения "бегори" каждая семья была обязана по два раза в год, сроком от 20-ти дней до 1-го месяца и больше, пересылать в распоряжение властей одного мужчину, физически здорового и сильного. С переходом Припамирья под владычество России повинности состояли лишь из исправления дорог и доставления продовольствия пограничным военным постам. Об этом см.: Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартаंगा. II., 1917, с.116-117; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып.1, с.45.

9. Об этом же см.: Кисляков Н.А. Большая патриархальная семья..., с.780-781; Моногарова Л.ф. Преобразования в быту..., с.105; Гаджиева С.Ш. Очерки..., с. 41-44.

10. Называлось второе приданое — "дуйум чиез". Женщина получала его от своих родителей в качестве подарка при одном из посещений родительского дома, в первые годы замужества. Нужно заметить, что второе приданое получали только женщины из зажиточных семей. Состав второго приданого разнился: в Дармаракте и Шахдаре оно состояло из 5-6-и голов мелкого рогатого скота и коровы с теленком, по Гунту из 5-6-и голов мелкого рогатого скота, в Паршине — из 1-2-х баранов и коровы (не обязательно с теленком). Оно, в отличие от первого приданого (о чем см. ниже), принадлежало женщине, и, кроме нее, никто не имел права распоряжаться им. При разделе хозяйства, а также при разводе оно оставалось в ее руках, после ее смерти наследниками являлись дети.

11. Для Шугнана характерно, что первое приданое женщины ("чиз"), состоящее обычно в среднем из 10-12 голов мелкого скота и коровы с теленком, которое она получала от своих родителей при замужестве, считалось, как правило, полностью собственностью всей семьи, так как оно фактически возмещало расходы со стороны семьи жениха на свадьбу в доме родителей невесты. В семье женщина на него не имела никакого права. При разделении хозяйства первое приданое женщины подлежало разделу между братьями мужа. При разводе первое приданое не возвращалось женщине, в случае ее смерти, даже если она не имела детей, оно оставалось в доме мужа. Родителям возвращались только ее личные вещи. Об аналогичном положении женщин у казахов и киргизов см.: Абрамзон С.М. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников. М., 1973, с.9; Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977, с.16. Однако относительно горных таджиков других, соседних с Шугнаном, районов, исследователи фиксируют противоположное явление. Относительно ваханцев и ишкашимцев М.С.Андреев сообщает следующее: "Имущество жен, приносимое ими с собой в приданое, например скот, продолжает считаться их собственностью; даже приплоду от такого скота ведётся особый счет." Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с.20; Н.А.Кисляков отмечает: "...как в кулябских районах..., так и в Вахио..., в Дарвазе..., а также в припамирских районах (Вахан и Ишкашим. -З.Ю.) — везде "моли мирос" во время совместной жизни с мужем оставался в распоряжении жены, а муж не имел к нему отношения. По смерти мужа вдова брала свое приданое, помимо причитающейся ей части наследства, — моли мирос не входил в наследство". Кисляков Н.А. Наследование и раздел..., с. 69-70; "По обычаю, — отмечает Л.Ф.Моногарова, — женщина, выходя замуж... получает... мелкий скот или корову. Этим скотом и раньше женщина распоряжалась сама". Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии..., с. 23; Для сравнения о правах женщин на приданое у других народов см.: Кисляков Н.А. Наследование и раздел..., с. 35-37, 45-46.

12. Об этом см. также: Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960, с.14; о существовании аналогичного порядка разделения наследства у соседних припамирских народов, а также других народов Средней Азии см.: Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с. 20; Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии..., с. 125-126; Кисляков Н.А. Наследование и раздел..., с. 26-35, 63; Любопытно отметить, что в самом Шугнane, в с.Чарсем Гунтской долины, родительский дом с усадьбой переходил к младшему брату, если все дети были от одной матери. Если же глава семьи имел двух или больше жен и все они имели детей, то в родительском доме оставался жить старший брат со своей семьей, а другие, включая и младших, строили новые дома.

13. "Духтари сулб" — родная, законная дочь. Когда от одного брака имеется несколько детей, а от другого — всего одна дочь, то она получает в наследство столько же, сколько получают дети от другого брака. См: Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с.20; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып.

с. 122; Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа..., с. 80; Интересно отметить, что в селении Чарсем Гунтской долины "духтари сулб" не имела своей доли от земли, она была лишь "молшарик - соучастник по распределению скота" - со своими братьями. Относительно соседних ванджцев Н.А.Кисляков сообщает "..." земля и фруктовые деревья были разделены на девять частей, причем Одина и Бачамара получали по две части..., что касается скота, то в его разделении участвовали лишь представители мужских ветвей - Одина и Бачамара". Кисляков Н.А. Большая патриархальная семья..., с. 780; Таджики Каратегина и Дарваза, т.3, с.12.

14. Углубление перед очагом называется "курчаалак" или "дарунчаалак", а боковые площадки этого углубления - "тирчаалак". А.К.Писарчик. Примечания и дополнения. - В кн.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958, вып. II, с. 460.

15. О существовании аналогичного обычая у ягнобцев имеются сведения; Пешерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976, с.30; В Шугнанае приютить путника считается богоугодным делом ("кори савоб").

16. Об "алоухоне" ("дом огня") или "мехмонхоне" ("дом для гостей") подробно см.: Арандаренко Г. Дарваз - Каратегин. - Военный сборник, 12, 1983, с. 310; Андреев М.С. По этнографии таджиков. - В сб.: Таджикистан. Ташкент, 1925, с.163-165; Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма..., с.115-120; Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. - Тр. Ин-та этнографии, т. III, вып.1, М.; Л., 1940, с. 22-26; Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города. М., 1976, с.23; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии..., с.54; Таджики Каратегина и Дарваза, т.2, Душанбе, 1976, с. 40.

17. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с. 21.

18. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. вып. 1, с. 182-183; относительно ногайцев С.Ш.Гаджиева сообщает, что у них многоженство не было развито. Гаджиева С.Ш. Очерки по истории..., с. 32.

19. Сравните: "Символом власти старейшины, - отмечает Н.А.Кисляков, - являлись ключи от различных помещений и кладовых. Когда старейшина смешался, у него отбирали ключи. В руках старейшины находится все имущество общины - быки, лошади, ослы, сельскохозяйственные орудия, запасы муки и зерна, орехи, яблоки. Исключение составляет молочный скот, находящийся в ведении старейшины-женщины". Кисляков Н.А. Большая патриархальная семья..., с. 770

20. О сравнительной свободе, которой пользовались женщины припамирских районов см.: Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии..., с.111; Для сравнения см.: Кисляков Н.А. Большая патриархальная семья..., с.774-775; Он же. Следы первобытного коммунизма..., с. 126-127; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии..., с.62. Она же. Преобразования в быту..., с.122-123; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. вып. 1, с. 179-180.

21. Исключение составляли только жены "баев", "пиров", "сейидов", "шахов", которые носили покрывала "чодар", не показывали лицо чужим мужчинам, не посещали общественные места, семейные торжества других слоев населения и которые садились всегда отдельно (в другом помещении) от мужчин, в своем кругу; О сходном положении женщин этих слоев в Баранге имеются сведения: Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии..., с. 111.

22. Согласно сведениям А.К.Писарчик, хуфцы, как и шугнанцы, вели торговлю с киргизами, кашгарцами, а также другими народами. См.: Писарчик А.К. Примечания..., с.233-235. X

23. О распределении женских работ у других горных народов см.: Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма..., с. 66-67; Он же. Большая патриархальная семья..., с.773-774; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. вып.1, с.178-179; Гаджиева С.Ш. Очерки истории..., с. 37-40.

24. "Взять разливательную ложку - символ главенства женщин в доме могла только старшая, а в ее отсутствие только ее помощница", - отмечает от- IX

носителем ногайцев С.Ш.Гаджиева, см.: Гаджиева С.Ш. Очерки по истории..., с.39.

25. В Хуфе, как и в Шугнанае, прополкой занимались женщины: Андре-ев М.С. Таджики долины Хуф, вып. 2, с. 65.

26. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М: Госполитиздат, 1951, с.57-62, 145-150; О том, что характерные черты, выявленные Ф.Энгельсом, присущи и патриархальной семье в Вандже, имеются сообщения: Кисляков Н.А. Большая патриархальная семья..., с.763,781.

У. ДЖАХОНОВ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СЧЕТ ВРЕМЕНИ У ТАДЖИКОВ СОХА

Земледельцы в течение многих веков вели наблюдения над явлениями природы, определяли сроки сельскохозяйственных работ и фиксировали свои наблюдения в традиционном земледельческом календаре¹.

В литературе имеются сведения о земледельческом календаре хуфских и ягнобских таджиков, таджиков бассейна р.Хингоу, Каратегина, Дарваза, Западного Памира и долинных таджиков².

Все эти материалы посвящены календарям таджиков, проживающих на территории современного Таджикистана. При этом календари таджиков долины Сох, как и других таджиков, проживающих за пределами Таджикистана, до сих пор не изучены.

Цель настоящего сообщения заключается в выявлении, наряду с общетаджикскими чертами, и своеобразия сохского народного календаря, имевшего важное значение в земледельческой практике.

В народе было известно несколько календарных схем. В обиходе у земледельцев был солнечный счет года ("ҳисоби шамсӣ") в 365 дней, с традиционными для него в Средней Азии названиями месяцев. Солнечный счет имел в Сохе, как и на всем мусульманском Востоке, более широкое распространение, чем лунный ("ҳисоби қамарӣ"). Солнечный год (как и лунный)³ состоит из 12 месяцев. Месяцы и дни определяются по положению небесных светил в знаках зодиака ("бурҷҳои осмонӣ"), по арабским названиям которых называются и соответствующие месяцы.

Солнечный год начинается с месяца "ҳамал", первый день которого совпадает с днем весеннего равноденствия - 21 или 22 марта современного календаря. Поэтому начало месяца "ҳамал" веде в Средней Азии и на Востоке с глубокой древности считали началом нового года - "Наврӯз"⁴. С его наступлением начиналась весна, а с ней и полевые работы.

Арабские названия месяцев солнечного года в Сохе, как и повсюду, считались официальными⁵:

Арабские	Таджикские	Русские
1. Ҳамал (с 22/Ш по 21/У вкл.)	Барра	Овен
2. Савр (с 22/У по 22/У)	Ғусола	Телец
3. Джавзо (с 23/У по 23/У1)	Дугона	Близнецы
4. Саратон (с 24/У1 по 24/УП)	Харчанг	Рак
5. Асад (с 25/УП по 24/УШ)	Шер	Лев
6. Сунбула (с 25/УШ по 24/1Х)	Хушаи гандум	Дева
7. Мизон (с 25/1Х по 24/Х)	Тарозу	Весы
8. Акраб (с 25/Х по 23/Х1)	Каждум	Скорпион
9. Қавс (с 24/Х1 по 22/ХП)	Камон	Стрелец
10. Джад (с 23/ХП по 20/1)	Бузгола	Козерог
11. Далъ (с 21/1 по 19/П)	Джом	Водолей
12. Ҳут (с 20/П по 21/Ш)	Моҳи	Рыба

25 окт 1989

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

ЭТНОГРАФИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ответственный редактор –
канд. истор. наук А.С.ДАВЫДОВ

ДУШАНБЕ
"ДОНИШ"
1989

- 30 М.С.Андреев. Указанная работа, с. 56-57, примечание 2.
31 Там же, с. 120-121, примечание 1.
32 Д.К.Зеленин. Табу слов у народов восточной Европы и Северной Азии. II: Запреты в домашней жизни. - В кн.: Сборник МАЭ, -Л.: изд-во АН СССР, 1930 - Т.1X, -С. 130-134.
33 Там же, с. 132.
34 В.В.Востров. Указанная работа, с. 35.
35 С.М.Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 223-226.
36 Х.Г.Ишанкулов. Указанная работа, с. 38-39.
37 Там же, с. 39, примечание 2.

З.ЮСУФБЕКОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ШУГНАНЦЕВ

Обычаи и обряды, связанные со свадьбой у таджиков, как горных, так и равнинных районов, описаны в ряде работ.¹ Отдельные моменты свадебных обрядов припамирских таджиков освещены в работах дореволюционных, как русских, так иностранных,² и советских исследователей.³

В капитальном труде М.С.Андреева⁴ описываются свадебные обычаи и обряды хуфцев, во многом сходные с шугнанскими, приводятся также ряд сведений, прямо относящихся к Шугнану. Большая заслуга в изучении семейных отношений в том числе свадьбы и свадебных обрядов шугнанцев, принадлежит И.И.Зарубину.⁵ По свадебным обычаям и обрядам припамирцев, в том числе шугнанцев, интересные сведения приводятся в работе Л.Ф.Моногаровой.⁶ Однако следует отметить, что в указанной литературе все имеющиеся сведения по свадьбе Шугнана, носят довольно общий характер. Целью настоящей работы и является подробное описание некоторых предсвадебных обычаев и обрядов шугнанцев.

Данная статья основана на полевых материалах, полученных путем опроса, преимущественно среди людей старшего поколения, во время пребывания в 1973-1981 гг. в населенных пунктах Шугнанского района, главным образом в сельсоветах Дарморахт, Рошткала и Сучане. Публикуемые материалы фиксируют особенности традиционного цикла предсвадебной обрядности, характерного для конца XIX-начала XX в. В наблюдавшееся нами время предсвадебная обрядность претерпела существенные изменения, но традиционные элементы легко восстанавливались по рассказам наших информаторов.

В Шугнane, как и везде по верховьям Пянджа⁷, брачный возраст считался нормальным с 12 лет. В случае очень ранних браков супружеские отношения обычно откладывались до достижения зрелости. За этим следили обыкновенно старшие женщины семьи: девочку-невестку укладывали спать

вместе со свекровью, или же с младшими сестрами ее мужа, мальчика-мужа — вместе с его младшими братьями. А.Г.Серебренников отмечает, что нередко в таких случаях молодые супруги каждый жил в семье своих родителей, а по достижении законного возраста получали право "жить самостоятельно".⁸ Нередко молодые таким образом жили 4-5 лет, а то и больше.

Ранняя женитьба зависела главным образом от материального состояния семьи. Зажиточные семьи, у которых имелись средства на свадебные расходы, обычно женили сына в 10 лет. Бедные семьи, наоборот, не могли женить сына нередко до 25-летнего возраста.

Были распространены ортокузенные браки по отцовской линии, то есть браки между детьми двух братьев. Они встречались очень часто в Дарморакте, меньше в Поршневе и были сравнительно редки по Гунтской долине. Необходимо отметить, что число ортокузенных браков по отцовской линии в Шахдаринской и Гунтской долинах сильно колебалось по кишлакам. Например, в Рошткале они одобрялись, а в Сучане и в ряде населенных пунктов Верхней Шахдары нередко считались даже позорными. Особенно если в семье, состоящей из двух женатых братьев, один, умирая, оставлял своих детей на попечении другого брата, а тот впоследствии женил племянника на собственной дочери. В подобных случаях обычно объясняли его поступок тем, что он таким путем избегает расходов на женитьбу племянника на другой девушке. В Дарморакте же такие браки не только одобрялись, но считались и самыми желательными.

Ортокузенные браки по материнской линии были менее распространены. В Дарморакте они встречались редко, а по Гунтской долине и вовсе запрещались. Как утверждают жители Гунтской долины, родственники по материнской линии до седьмого колена связаны между собой общностью крови, и поэтому заключение таких браков является грехом. В наиболее глухих и отдаленных от центра местностях эти обычаи относительно запрета браков родственников по материнской линии соблюдаются и до наших дней. Очевидно, неодобрение родственных браков в верховьях Гунтской и Шахдаринской долин можно объяснить двумя причинами: соседство и близкое соприкосновение с киргизским населением, у которого особо сильны были пережитки родовой экзогамии; население двух вышеуказанных долин в силу развития животноводства и земледелия жило более зажиточно, и для них особой необходимости в экономии на женитьбу своих детей не было.

Предпочтение родственных браков, по словам самих шугнанцев, было обусловлено в основном экономическими соображениями. По этим же соображениям нередко практиковались и неравные браки между молодым человеком и вдовой, чтобы сократить свадебные расходы. С другой стороны, как неоднократно приходилось слышать, родственные браки оправдывались тем, что благодаря этому девушка не попадала в чужую семью. В доме родственников она чувствовала себя немного лучше, чем у чужих. Здесь к ней относились хорошо: с одной стороны, воздерживались от плохого обращения из-за уважения к родственникам (ее родителям), с другой стороны, из-за боязни навлечь гнев духов общих предков.

Шугнанцы, как и все припамирцы,⁹ в прошлом избегали смешанных браков как с представителями других припамирских районов, так и других национальностей. Только шугнанцы верховьев Шахдаринской и Гунтской долин вступали в брак с киргизами, причем они отдавали своих девушек за киргизов, но у киргизов брать девушек не могли, т.е. надо было платить калым.

Как правило, господствующие сословия — феодальная знать: ша, мир, акибир и духовные наставники: шо, пир, халифа, шейхи¹⁰ придерживались строгой сословной эндогамии. Ша вступали в брак только с ша. Обычно расстояние не бралось в расчет. Нередко ша выдавали замуж своих дочерей в такие очень отдаленные места, как Ишкашим, Рушан, Вахан за сыновей ша этих краев. Строгие брачные запреты особенно касались женщин, в результате чего они часто оставались старыми девами — "пирдухтар"¹¹ по той причине, что среди своих не удавалось выходить замуж, а за представителей низших сословий их не выдавали. Мужчины же из высших сословий всегда могли жениться на красивых девушках из среды низших сословий.

Колыбельный сговор, широко распространенный среди многих народов Средней Азии и Казахстана, в Шугнane практиковался редко, и как в Хуфе, так и других припамирских районах совершался только в семьях, в которых дети умирали в младенческом возрасте. Назывался он "никогардун" (буквально, "брак, отвращающий несчастья").¹²

В Шугнane, как и повсюду в Средней Азии, также существовал обычай брать зятя в дом. Это случалось, когда выдавали замуж единственную дочь, и родители не хотели с ней расставаться. Кроме того, зажиточные люди, которым не хватало рабочих рук, а в доме имелась дочь-невеста, брали зятя в дом. Если в этой семье были мальчики, после того как они подрастали, зять отделялся от семьи тестя. Подобные браки чаще всего заключались между детьми очень близких друзей. Обе стороны, договорившись, устраивали сватовство, помолвку и свадебный пир. Невеста на несколько дней переходила в дом мужа, после чего оба, как жена, так и муж, переселялись в дом родителей жены. С другой стороны, бедняки, будучи не в состоянии вести расходы, шли "зарабатывать невесту" личным трудом в дом будущего тестя. Обычно проработав 3-4 года, они получали право жениться на его дочери. Остальные 4-5 лет отработывали, будучи женатыми, и только после этого, забрав жену и детей (если они уже были), могли уходить от тестя, а если дочь была единственным ребенком, то обыкновенно продолжали жить в семье ее родителей.

Пережитки очень древнего по происхождению обычая левирата и сорората, в Шугнane были распространены меньше, чем среди других таджиков. Согласно обычаю левирата, вдова должна была выходить замуж за брата своего покойного мужа. Как и у всех горных таджиков, в припамирских районах, в том числе в Шугнane, брак по обычаю левирата заключался только при согласии на то вдовы. Обычай сорорат давал мужчине право жениться на сестре своей умершей жены, причем с мнением девушки в таком случае не считались.

Сватовство. В выборе невесты принимали участие все старшие члены семьи, особенно мужчины. Мнения самих молодых людей не спрашивали. Тут, видимо, и к Шугнану подходят слова Ю.И.Семенова о том, что "... в докапиталистических обществах... брак чаще всего был сделкой, заключенной между главами двух семей".¹³

Выбрав девушку, родители юноши, тайно от других родственников и соседей, отправлялись к родителям девушки на предварительное сватовство — "дуздакипурси" (дословно — тайное спрашивание). В большинстве случаев отправляется отец, но иногда, особенно если это были родственники по материнской линии, отправлялась мать юноши. Нередко по просьбе отца юноши на тайное сватовство вместе с ним отправлялся его старший брат.

или кто-нибудь другой из его близких родственников. Посланцев этих называли "тилабич" — проситель или "эльчи".¹⁴

Переговоры эти могли происходить не обязательно в доме предполагаемой невесты, но и в других местах, при встрече родителей девушки. Переговоры происходили втайне, чтобы избежать неловкости в случае отказа. Ответ обычно давали только через несколько дней, обсудив этот вопрос с самыми ближайшими родственниками (дедушка, если он жив, дяди как со стороны матери, так и отца). При отказе ссылались на то, что дочь их еще несовершеннолетняя или что она уже просватана. При согласии, а среди близких родственников и без предварительной договоренности, то есть без тайных переговоров, отправлялись на сватовство — "тилабтов". Для сватовства выбирался благоприятный день "добрый час" — "соати нек". Благоприятным считались дни: вторник, четверг, пятница, а остальные — понедельник, суббота и воскресенье — неблагоприятными. На сватовство шли обычно с наступлением темноты (ночь считалась великой, оберегающей от злых духов и недругов).

На сватовство обычно отправлялись вдвоем: отец со своим братом (родным или двоюродным) или с дядей. С собой они брали обычно одного барана, один кафч пшеницы, один тафсин топленого масла, два отреза по 6 газов ¹⁵ бумажной ткани — "хивич" или полущелковой ткани "гарбу — на" и 10–12 штук маленьких сдобных лепешек кулча.¹⁶

В доме родителей девушки, которые обычно узнавали заранее от родственников жениха об их приходе, в этот день готовили мясной суп или свежие лепешки с топленным маслом — "нони руган".¹⁷ Гостей встречали и усаживали на почетное место — нары против очага — "барнех". Вначале гостей угощали. Если родители девушки считали возможным дать согласие, то гостям сначала подавали мучную похлебку "ош",¹⁸ а потом мясной суп "гухтхарво" а в противном случае ограничивались только мучной похлебкой. Даже в том случае, когда сватов угощали только мучной похлебкой, из-за чего они и чувствовали себя неуверенно, все же разговор о сватовстве происходил.

Если сваты приходили без предварительного сговора, обыкновенно они сперва старались скрыть истинную цель посещения, говорили, что зашли просто так по пути, проездом и т.д.¹⁹ В подобных случаях отец девушки должен был своим разговором навести гостей на объяснение истинной цели их прихода. Было проще, когда сваты приходили после предварительного сговора. Тогда обычно после еды хозяева спрашивали о цели прихода гостей. Между ними происходил приблизительно следующий разговор: отец девушки или кто-нибудь из хозяев спрашивал: "А вирод тамет хуб тиц?" — "Брат мой, что вас привело к нам?". Отец юноши: "Машам а вирод шич мис бегуна нистат боям хонх чуд қарибди савам. Тишамиди аз тама хурд мурдахуик тидабам" — "Дорогой брат, мы с тобой и сейчас не чужие, чем мы очень гордимся, но мы хотели бы породниться с тобой еще ближе. Поэтому мы пришли к тебе с надеждой, чтобы просить обмывальщицу покойников "мурдашуй" ²⁰ (тадж. "мурдашуй)". Необходимо отметить, что сваты девушек называли обмывальщицей мертвых в том случае, если они приходились близкими родственниками; имелось в виду, что жена сына будет обмывать тело своей свекрови после ее смерти. Если же сватали чужих, то выражались так: "Мам хаби сияндам ядч тар тама пойга, умеди зиндагиям чутч" — "Мы пришли к вам этой темной ночью с надеждой на жизнь от вас".²¹

Если отец девушки имел старших братьев и родителей в живых, то он молчал. Его старший брат или отец сперва в знак уважения обращались к

матери девушки и спрашивали ее согласие. Она обычно сама не давала прямого ответа, а просила обратиться к отцу девушки и к ее старшим братьям. Согласие самой девушки не спрашивалось.²² Обычно при первом приходе окончательного ответа не давалось, но родственники жениха могли надеяться на благоприятный исход сватовства, если им не возвращали принесенных подарков. Через несколько дней отец девушки, переговорив со всеми близкими родственниками, извещал родителей юноши о своем решении, как положительном, так и отрицательном. После того, как давался положительный ответ, читалась благоприятственная молитва — "дуои хайр" и на выступе очага дома девушки возжигалось курение "стирахм", что имеет цель получить благословение духов предков. Все присутствующие произносили "амин" и на этом сватовство считалось законченным. Если сватающиеся были из другого селения, то им предлагали оставаться на ночь. Обычно гостей укладывали спать на нарах вокруг очага — "кипор" — единственное свободное место на ночь в большом доме. На следующее утро гости возвращались домой. Их ничем не одаривали. День помолвки назначался отцом юноши по совету халифы.

Помолвка. Необходимо отметить, что помолвка — "ехичид" — как отдельный обряд кроме Шугнана существовал еще в Вахане²³. В других припамирских районах сватовство заменяло и помолвку. В Шугнани же сватовство и помолвка совмещались только в тех случаях, когда речь шла о женитьбе на вдове или невеста была очень близкой родственницей.

Накануне помолвки в доме жениха резали двух баранов. Туши свеживали и подвешивали в прохладном месте, чтобы они приняли "хорошую форму". С утра женщины в доме жениха пекли мелкие сдобные лепешки — "кульча". Обычно их для дома невесты пекли 60—80 штук. В этот же день отец юноши резал еще одного барана для угощения родственников, друзей и односельчан, которым устраивалось вечернее угощение, после чего отец юноши просил 5—6 уважаемых стариков сопровождать его завтра в дом родителей девушки на помолвку.

На следующий день, с утра пораньше, приходили в дом жениха приглашенные люди, ведя своих лошадей на поводу, если нужно было ехать в другое селение. Если же невеста находилась в этом же селении, то они приходили без лошадей, к вечеру. Перед тем, как отправиться в дом родителей невесты, их угощали мясным супом или свежими лепешками с топленным маслом.

Перед выходом кто-нибудь из близких родственников выходил на улицу и просил всех освободить дорогу, по которой должны были пройти сваты, чтобы избежать возможной встречи с людьми недоброжелательными, с дурным глазом — "бадчашм".

Сваты шли в дом родителей невесты с подарками. Следует отметить, что состав подарков был неодинаков по всему Шугнану. Например, по Шахдаринской долине (хотя и не повсеместно) и в Поршневе отсутствовали туши барана, тогда как в Дарморахте две туши барана составляли главное свадебное подношение — "бахбуст". Слово "бахбуст", первая часть которого переводится как счастье, можно предполагать, служит приметой богатства и изобилия в жизни будущих супругов. Очень часто везли две туши барана, 3 тафина масла, 2 отреза карбоса "хивинч", 40—80 штук "кульча" и др. Местами по Гунтской и Шахдаринской долине при помолвке отец жениха дарил невесте перстень, что называлось "нишона" — знак того, что она помолвлена. Перстень обязывал как невесту, так и ее родителей не отказываться от данного слова. Если какая-нибудь сторона после помолвки отступала от данного слова, она должна была дать выкуп "хеймонона" — отступное — одного барана или даже вола.

Помолвка в доме родителей невесты сопровождалась угощением, размеры которого определялись благосостоянием хозяев. Следует отметить, что если семья невесты была зажиточной, то угощение готовилось из зарезанного скота и другого продукта этой же семьи, что часто превосходило по стоимости привезенные из дома жениха приношения. Если же семья невесты была незажиточной, для угощения использовались привезенные туши баранов и другие продукты из дома родителей жениха.

Родители невесты, которые были оповещены о приезде сватов, с утра готовились к приему гостей. Пекли много лепешек "гарда", резали барана, варили мясной суп и приглашали всех родственников, соседей и односельчан. Девушка-невеста в помолвке не участвовала. Она уходила в дом своих родственников. Это считалось проявлением скромности.

После угощения повторялся слово в слово тот диалог между родственниками жениха и невесты, который происходил между ними во время сватовства, после чего халифа читал молитву, выражавшую благожелание будущим супругам, "дуои хайр", и, как у многих принамирцев, родственники жениха в знак благодарности целовали руку родственникам невесты. На этом заканчивался обряд помолвки.²⁴

Расходы со стороны жениха на свадьбу — "кухмат-қалинг". На значение срока свадьбы зависело от благосостояния обеих сторон, от их возможности приготовить все необходимое для проведения свадебных торжеств, и могло затянуться у бедных на довольно долгое время — до одного-двух лет. Однако в период между помолвкой и свадьбой, каким бы продолжительным он не был, в Шугнана, как и в остальной части Припамирья, полностью отсутствовал обычай добрых встреч жениха с невестой, широко распространенный среди таджиков других районов и других народов Средней Азии.

После помолвки сторона жениха начинает заготавливать продукты на устройство свадебного угощения как в своем доме, так и в доме отца невесты. Готовит она также подарки для невесты, ее родственников, что называется "кухмат-қалинг".

Размер "кухмат-қалинг" приблизительно был одинаков для всего Шугнана и в среднем равнялся одному волю (12 пис) (1 пис = 1 барану), 4-5 отрезам материи,²⁵ 1 амбуну (1 амбун — около 96 кг) пше- ницы и 1-2 тафсину топленого масла. В приготовлении "кухмат-қалинг" отцу жениха помогали его близкие родственники: кто давал барана, кто отрез на платье, а кто зерно. Вероятно, это является отголоском отдаленных родовых отношений. Когда все необходимое приготовлено, извешают отца невесты, и вскоре он посылает "кухмгир" и "қалингир" получателей "кухм" и "қалинг", которые отправляются к отцу жениха в указанный халифой "добрый час".²⁶ После угощения, на которое приглашаются также односельчане и соседи, посланцы приступают к отбору "кухмат-қалинг". Перед гостями, сидящими на нарах, демонстрируют приготовленный в "кухм" скот. Сначала в дом вводят вола, которого "кухмгир" тщательно осматривает и если считает, что он недостаточно хорош, то требует еще одного-двух баранов. Затем приносят приготовленные отрезы. Их, в свою очередь, осматривает "қалингир". После этого собираются в обратный путь. При этом каждый получает в подарок по отрезу домотканной бумажной материи "хивинч". Перед выходом как посланцев, так и угощаемый скот в качестве пожелания счастливого пути обсыпает

мукой, "бун" и при этом удаляют с их дороги всех людей на расстояние семи шагов от дома. У дома родителей невесты, прежде чем загнать скот в хлев, между рогами посыпают мукой, чтобы охранить его от злых духов. Через несколько дней после того, как "кухмат-қалинг" доставлен в дом невесты, по совету халифа назначают день свадьбы и извешают об этом отца невесты.

Коротко остановимся на "кухмат-қалинг". В научной литературе утверждено мнение, что основным господствующим способом заключения брака среди горных таджиков до Октябрьской революции являлся брак путем уплаты семьей жениха отцу невесты или лицу, его заменяющему, калыма, состоящего из скота, материалов, продуктов питания, реже денег. Н.А. Кисляков пишет: "уплата калыма являлась доминирующим моментом при заключении брака и фактически определяла собой и самый порядок и время брачных церемоний, в частности срок, протекавший между двумя основными свадебными праздниками – малым и большим, который заканчивался увозом молодой в дом мужа".²⁷ Известно, что калым этот в научной литературе трактуется как выкуп за невесту.²⁸ Наши полевые данные не подтверждают эту точку зрения относительно Шугнана.²⁹

Согласно сведениям ряда исследователей, калым существовал у припамирских таджиков Вахана, Ишкашима и Рушана, в том числе долины Хуфа.³⁰ Относительно существования калыма в Шугнана в литературе имеются сведения капитана генерального штаба А.Г.Серебренникова и профессора А.А.Бобринского.³¹

Первая часть термина "кухмат-қалинг", по объяснению самих шугнанцев, происходит от глагола "кихтов" (тадж. куштан) – резать скот для убоя. "Кухм" включает в свой состав определенное количество продуктов, состоящих из мяса, топленого масла и зерна. Следует оговориться, что все эти продукты полностью шли на свадебное угощение, приготавливаемое в день большого пира в доме родителей невесты. Сюда же входил подарок дяде невесты по матери "холак",³² которому, как и у многих народов Средней Азии, придавалось большое значение. Подарок этот назывался "хақи шир" – "плата за молоко" и состоял в среднем из одного вола или коня, отреза на калат – "гилимвори" и 1–2 "кафч" зерна.

Согласно сообщению А.А.Бобринского, дядя невесты при богатой свадьбе получал лошадь, 9 кусков маты, 9 ситцевых рубашек, а отец невесты – всего 1 быка и 5 кусков карбоса (местную грубую хлопчатобумажную ткань).³³

Согласно обычаю (по нашим данным), подарок полагалось вручить дяде до свадьбы, в противном случае он мог отменить или отсрочить срок свадьбы. Согласно сведениям И.И.Зарубина, дядя получал "хақи шир" после того, как девушка становилась женой, в случае, если она оказалась не девушкой, то дядя автоматически лишался своей доли.³⁴

Характерно, что вторая часть "қалинг" не является шугнанским термином и употребляется в сочетании с "кухм" не везде. В местах ближе к г. Хорогу (точнее в Сучане и Поршневе) часто употребляется только "кухм".³⁵ В более отдаленных местах Гунта и Шахдары, соседствующих с киргизами, наоборот, встречается употребление "қалинг" без сочетания с "кухм". "Қалинг" обыкновенно состоит из 5–6 отрезков материи, предназначенных исключительно для невесты – "хақи зан".

Как показывают наши материалы, в Шугнана расходы под названием "кухмат-қалинг" со стороны родителей жениха полностью шли на свадебное угощение в дом родителей невесты, а также приготовление полного комплекта одежды для невесты и постельных принадлежностей для молодых. Дому отца невесты из "кухмат-қалинг" ничего не оставалось. А между тем, как известно, "қалинг" называется именно то, что остается в пользу отца невесты, например, деньги, скот, материя и т. д. В Шугнана же расходы со стороны невесты намного превышали расходы со стороны жениха. Это станет яснее при рассмотрении приданого невесты, которое является темой отдельной работы.

Следует отметить, что относительно других припамирских таджи-ков Л.Ф.Моногарова отмечает: "Все наши информаторы обращали внимание на то, что такого калыма, как у суннитов, у припамирцев-исмаилитов не было, а вместо этого отец жениха на свои средства устраивал угощение во время свадебного торжества и делал подарки невесте и ее близким родным".³⁶

Особо следует отметить, что вопрос о понятии и значении калыма в Шугнана далеко этим не исчерпан и должен стать темой отдельной специальной работы. Разумеется, окончательное решение затрагиваемого вопроса невозможно без дальнейшего тщательного и подробного исследования данного вопроса не только у других припамирских, а также всех горных таджиков.

В итоге можно сказать, что шугнанские предсвадебные обычаи и обряды в основном сходны с подобными обрядами других таджиков. Однако некоторые отличительные черты от других припамирских и других горных таджиков зафиксированы для Шугнана. Так, только для Шугнана и Вахана было характерно употребление при сватовстве особой формулы: "Мы пришли просить у вас обмывальницу мертвых".

В отличие от других припамирцев в Шугнана и Вахана сватовство и помолвка практиковались как отдельные обряды, и перерыв между ними мог быть значительным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Андреев М.С. По этнологии Афганистана. - Ташкент, 1927; Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан// Сб. научн. кружка при восточном факультете САГУ. Ташкент, 1928; - Вып. 1; Она же. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии //Сб. Советская этнография. - 1940, - Вып. 3; Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. - М.; Л., 1936; Он же, Некоторые материалы по этнографии иранских таджиков// Изв. Отд.обществ. наук АН ТаджССР.-1954, - Вып. 5; Он же. Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX-начала XX в.). - М.;Л., 1959. (Тр. Института этнографии АН СССР, нов. сер. т. 44); Ишанкулов Х.Г. Брак у населения Ходжента в новое время (конец XIX-начало XXв.). - Душанбе, 1972; Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1976, - Вып. 3.

² Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 г.) - СПб, 1979; Путята С.Ш. Очерк экспедиции на Памир,Сарыкол, Вахан и Шугнан. 1883. //Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. - СПб, 1884. - Вып. 10.Серебренников А. Очерк Шугнана// Военный сборник .-1895.-№ 12;

Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. — М., 1908; Андреев М.С. и Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишканим и Вахан// Сб. МАЭ. — СПб., 1911, — Т. 1X.

3 Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия. — М.; Л., 1959 — Т. 44; Писарчик А.К. Припамирские таджики: — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана: серия Народы мира. — М., 1962. Т. 1; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулямцев. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. — М., 1959; Она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. — М., 1972; Нурджанов Н. Свадьба. — В кн. Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976, — Вып. 3; Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. — М., 1976, — С. 215-226.

4 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. — Вып. 1,

5 Зарубин И.И. Дополнения к статье Н.И. Веселовского "Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение." — Л., 1925; Он же. Шугнанские тексты и словарь. — М.; Л., 1960; Зарубин И.И. Личный архив// Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР, ф. 121. Далее Архив востоковедов.

6 Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре..., с. 126-145.

7 Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа, с. 89; Андреев М.С. Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с. 12; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 120; Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии в трудах Б.Л. Громбчевского. — Душанбе, 1974. — С. 55-56; Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков, с. 75; Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре..., с. 129.

8 Серебренников А.Г. Очерк Шугнана.// Военный сборник. — № 12. — С. 423.

9 Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре..., с. 123; Она же. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области ТаджССР. — В кн.: Страны и народы Востока. — М., 1975. — Вып. 16. — С. 184.

10 О сословном делении подробно см.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 36-37; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии..., с. 51-52; Она же. Преобразования в быту и культуре, с. 38.

11 Необходимо отметить, что шугнанского эквивалента таджикского "пирдухтар" не имеется.

12 См. также: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 120-121; Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре..., с. 129; Как любезно сообщила А. Мардонова, такой же брак по таким же соображениям устраивался и в Файзабаде.

13 Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974. — С. 249.

14 Слово это тюркское. См.: Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965. — С. 950. Термин "эльчи" в Шугнane употребляется в местах, соседствующих с киргизами, особенно в Шахдаринской долине,

15 "Кафч" – деревянный сосуд, служивший мерой сыпучих тел. Один кафч – примерно 36 кг.; "тафсин" – мера жидкостей, – приблизительно 2 кг.; "газ" – мера длины. Обозначает расстояние от концев пальцев до места посредине груди под подбородок, немного больше 0,5 метра.

16 Количество и состав подарков во время сватовства был разным в различных припамирских районах. Ср.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 121–123; Моногарова Л.Ф. Преобразование в быту и культуре..., с. 137.

17 В Хуфе в случае согласия родители невесты гостей угощали хлебом, который приносили сваты, но со своей стороны специального угощения не готовили. См.: М.С.Андреев. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 124.

18 "Ош" – мучная похлебка является общебадахшанским блюдом. А.Л.Грюнберг, И.М.Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. – М., 1976. – С. 185; Стеблин-Каменский И.М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев. – В кн.: Страны и народы Востока. – Вып. 16. – С. 200. Необходимо отметить, что если на равнине под словом "ош" подразумевается плов, то в горных районах Таджикистана этим словом обозначается вареная на воде, очень тонко нарезанная лапша из ячменной муки, которую заправляют разведенным в воде сыром – "тухл", изготовленным из высушенного пахтанья. В летнее время также заправляется дикорастущими травами.

19 Считают, что если не сказать о цели прихода прямо, злые духи могут и не узнать о нем, что предотвращает опасность их влияния.

20 Аналогичная формула сватовства исследователями зафиксирована также для ваханцев. См.: Стеблин-Каменский И.М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев, с. 205; Грюнберг А.Л. Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык, с. 224 (примечание 2).

21 Аналогичная формула произносилась и в Хуфе. См.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 124; В Орошорве пользовались формулой: "Такой-то домогается родства" // Архив востоковедов, ф. 121, № 240, л. 41.

22 Подробно об этом см.: Зарубин И.И. Шугнанские тексты..., с. 61.

23 См.: Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа, с. 89–90; О сватовстве у других припамирцев см.: Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с. 12; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 122–125; Архив востоковедов, ф. 121, ед. хр. 231; Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь, с. 52–64.

24 В Вахане, согласно сведениям А.А.Бобринского, на второй день после приезда гостей со стороны отца юноши устраивается угощение, на котором присутствуют родственники и односельчане невесты. Во время угощения объявляется о помолвке молодых, и отцы их тут же обмениваются подарками, причем отец жениха раздает полученные подарки своим трем родственникам, которые принимали участие в сватовстве. См.: А.А.Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, с. 90.

25 В Шахдаре-до 9 отрезков. Вероятно, это зависело от близко-го общения с киргизами, у которых термин "тукуз" ("девять") являлся принятым при счете свадебных подарков. Согласно сообщениям А. А. Бобринского, в Вахане также "қалинг" состоял из 9 рубашек ситцевых, 9 рубашек из маты, 9 кусков алочи. См. А.А.Бобринский. Горцы верховьев Пянджа, с. 91.

26 В некоторых местах бассейна Шахдары "кухмат-қалинг" перевозится самим отцом жениха. Относительно ишкашимцев М.С.Андреев и А.А.Половцев сообщают, что вено везется с поездом жениха. См.: Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии., с. 12-13.

27 См. Кисляков А.Н. Семья и брак таджиков, с. 136.

28 Там же, с. 146, 151.

29 Ранее такое положение относительно института калыма было отмечено рядами исследователей: Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. -Казань, 1886, - С. 202-203, 207; Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан// Сб. научного кружка при Вост.фак. Среднеазиатского Госуниверситета. - Ташкент, 1928. - Вып. 1. - С. 78.

30 См. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии. С. 12; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1. с. 131-135.

31 Серебренников А.Г. Очерки Шугнана //Вестник Евр. - № 12. -С. 423-424; Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа, с. 91.

32 О значении, которое придавалось дяде по матери у примирцев см. подробнее: Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии..., с. 13-14; Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии долины Бартанга, 134; Андреев М.С. Таджики долины Хуф, ч. 1, с. 131-133; 176; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 77; Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Ваханский язык, с. 220; По мнению многих исследователей, этот широкораспространенный в Средней Азии обычай следует рассматривать как пережиток авункулата.

33 Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа, с. 91.

34 Архив востоковедов, ф. 121, ед.хр. 242, л. 76.

35 И.И.Зарубин отмечает, что в Орошорве также полностью отсутствует термин "калинг". Архив востоковедов, ф. 121, ед. хр.. 240, л. 42-44.

36 Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре..., с.128.